

УДК 124.52:101.1:316.322

Е.В. Сырямкина

К ПРОБЛЕМЕ КОГНИТИВНОГО ОБОСНОВАНИЯ НОРМАТИВНОГО АСПЕКТА «ХОРОШЕГО ОБЩЕСТВА»

Предпринята попытка проблематизировать когнитивное обоснование нормативного аспекта «хорошего общества». Автор уделяет внимание процессу становления идеи «хорошего общества» на основе полемики коммуитаристов и неолибералов, где подчеркивается очевидный нормативный аспект «хорошего общества». Обосновывается мысль, что слово «хорошее» предполагает знание некой нормы, но сложность и состоит в том, что «хорошее» само является основной нормой, избежать обсуждения которой невозможно. Выделяются два вида нормативных суждений: моральная норма, которая имеет ценность лишь для членов некой общности, и норма, которая указывает, согласно какой основной мере (основной ценности) должно происходить нормирование. Трудность определения «хорошего общества» состоит в том, что «хорошее» выступает как максимальная оценка всех возможных предикатов и поэтому является наиболее многозначной характеристикой долженствования, основной нормой.

Ключевые слова: «хорошее общество», норма, ценность, значение, знание, когнитивность.

С 80-х гг. прошлого века в западной социальной мысли сложилась парадоксальная ситуация. С одной стороны, большинством теоретиков признавался факт нагруженности социальной жизни ценностными элементами. Но, с другой, деятельность по созданию социальной теории, которая обеспечила бы постижение смысловой полноты этих ценностей, была ограничена требованием принципа «ценностной нейтральности», установленным для социальной науки М. Вебером [1]. Однако вопрос, «как возможна совместная, солидарная жизнь в ситуации, когда в одном жизненном пространстве сосуществуют индивиды и социальные группы с противоположными ценностными представлениями», настойчиво подталкивал к выработке такой теории общества, где нельзя было бы игнорировать ценностные предпочтения субъектов. Такая теория общества должна быть теорией «хорошего общества», где наряду с дескриптивными элементами важно включить и нормативные.

Идея «хорошего общества» возникла в ходе полемики, посвященной принципам справедливости, которые должны обосновывать права и политику постмодерного общества. Джон Ролз и его сторонники считали, что справедливость должна оставаться свободной от ценностных интенций общества. То есть для Ролза справедливость состоит в том, чтобы было соблюдено равенство индивидов при сохранении их свободы [2]. Оппоненты Ролза, впоследствии названные «коммуитаристами», настаивали на том, что в современном плюральном обществе справедливость основывается на нормативных предпочтениях людей в системе общих ценностей. Коммуитаристская оппозиция либерализму изначально не была однородной, объединяла тех исследователей, кто придерживался холизма в понимании общественной жизни и

отстаивал существование общего блага, доминирующего и не сводимого к индивидуальным. А. Макинтайр (A. MacIntyre), М. Сэндел (M. Sandel), Ч. Тейлор (Ch. Taylor), М. Уолцер (M. Walzer) представляют социально-философское течение коммунитаризма. Р. Беллах (R. Bellah), А. Этциони (A. Etzioni) составляют социологическое направление. Объектом их исследований является эмпирическая модель «хорошего общества».

Считается, что именно А. Этциони восстановил концепт «хорошее общество». Он сосредоточил внимание на том, что понятие «хорошее общество» значительно шире понятия «гражданское общество», с которым теоретики неolibеализма надеются улучшить престиж либерального права. Коммуни-таристы считают, что уже недостаточно гражданского общества, так как оно не решает проблемы общих ценностей. В нем, согласно замечанию Майкла Уолцера, «все учтены, но никто не предпочтен» [3. С. 16].

Примечательно, что задача детального сущностного описания «хорошего общества» не стоит перед коммунитаристами. Они пытаются сформулировать его принципы, способы и техники его создания. «Хорошее общество отличает то, что содержание «хорошего» разделяется всеми членами общества, а не навязывается государством» [4. С. 91].

Теория современного общества, в той или иной мере, должна быть теорией «хорошего общества». Иначе из поля ее анализа исчезнут существенные индикаторы социальной стабильности в виде разнообразных представлений индивидов и культурных групп о достойной жизни. Подобные субъективные ценностные представления доступны экспликации и теоретическому обоснованию. На это обращает внимание В.Г. Федотова в монографическом исследовании, посвященном хорошему обществу, пока единственном в отечественной литературе [5].

В книге В.Г. Федотовой речь не идет о том, чтобы выдумать нормы и ценности для общества, их растерявшего. Речь идет о том, чтобы аккумулировать все значения, оставшиеся и бытующие в некоторых средах, в сознании многих людей, в сегодняшней повседневности и практике; и теоретически обосновать новые, сделать признанными эти значения в масштабах общества. При сокращении свободного доступа к образованию, из-за политики СМИ, осуществляющей хабиитуализацию маргинального в массах, появляется задача остановить превращение народа в люмпенизированную массу. Эта задача сосредоточена на выстраивании общества и осмыслении им самого себя.

Разнообразие принципов неклассической и постнеклассической этики не означает, что моральные искания и размышления о единых общих ценностях должны быть прекращены. Наоборот. Они более напряженны и мучительны как в сфере повседневности, так и в сфере теоретического дискурса. Здесь уместно процитировать Ю. Хабермаса, который пишет: «...Принцип дискурса служит ответом на то замешательство, в котором оказываются члены любой моральной общности, когда при переходе к современным обществам мировоззренческого плюрализма они осознают дилемму, состоящую в том, что, с одной стороны, они по-прежнему спорят друг с другом относительно моральных суждений и позиций с привлечением тех или иных оснований, в то время как, с другой стороны, их фоновый субстанциональный консенсус относительно основополагающих моральных норм уже нарушен. Члены мо-

ральных общностей как на глобальном уровне, так и в рамках отдельных обществ в ходе своих действий втягиваются в требующие урегулирования конфликты, которые они, несмотря на распад общего для них этоса, по-прежнему понимают как моральные, т. е. как конфликты, разрешимые на тех или иных основаниях» [6. С. 108].

Концепт «хорошее общество» может вызывать недоумение некоторых исследователей из-за его очевидного нормативного аспекта. Говорят, что «одни будут называть хорошим одно, другие другое. Примирить их можно только силой» [5. С. 461]. Но сказать так – значит утверждать, что нет различий между добром и злом, следовательно, нет оснований ни для этики, ни для морали. Отсутствие традиционных, автоматически воспроизводимых взглядов на хорошее, представлений общества о хорошем — убедительная причина для того, чтобы обсудить весь спектр возможных значений, которые могут быть социально объективированы — типизированы, институционализированы и оправданы. То есть появляется возможность выделить когнитивное обоснование нормативного аспекта хорошего общества

Э. Гуссерль считал, что должны существовать даже нормативные науки, к которым он относит логику. «Сущность нормативной науки именно в том и состоит, что она обосновывает общие положения, в которых в связи с нормирующей основной мерой, например идеей или высшей целью, указываются определенные признаки, обладание которыми гарантирует соответствие с мерой или же создает необходимое условие этого соответствия. Нормативная наука дает и родственные положения, в которых учитывается случай несоответствия или высказывается несуществование таких соотношений вещей. Это не значит, что она должна давать общие признаки, которые бы устанавливали, каким должен быть объект, чтобы соответствовать основной норме» [7]. Последнее возможно так, как норма может обладать содержанием, выводимым из теоретического понимания, а не из долженствования, объясняет Гуссерль.

В частности, Гуссерль пользуется понятиями «хорошее» и «дурное» в качестве базовых оценок, разбирая долженствование. Так, в предложении «Воин должен быть храбрым» заключается та мысль, что храбрый воин является хорошим, а нехрабрый воин, очевидно, дурной воин. Приводя другой пример: «Человек должен любить своего ближнего», – Гуссерль также рассматривает ситуацию долженствования: кто любит своего ближнего, тот хороший, а кто не любит, тот дурной. «Термином "хороший", мы пользуемся здесь, разумеется, в самом широком смысле для обозначения всего ценного в каком бы то ни было отношении; в конкретных, подходящих под нашу формулу предложениях его надо каждый раз понимать сообразно тому роду ценности, который лежит в их основе, например, как полезное, прекрасное, нравственное и т. д. Существует столько же многообразных смыслов речи о долженствовании, сколько различных видов оценки, т. е. сколько действительных и предполагаемых ценностей» [7].

Эти размышления Гуссерля позволяют выработать следующие выводы:

Во-первых, нормативные суждения могут быть сформулированы как следствие теоретических представлений и как долженствование.

Во-вторых, нормативные суждения долженствования касаются сферы значений и ценностей повседневности и имеют немалое количество смыслов. Например, В.Г. Федотова в своей монографии рассуждает по аналогии с приведенными Гуссерлем примерами: «...суждение «Общество должно быть хорошим» дает столько же значений, сколько имеет слово «хороший» в естественном языке. Но нормативные суждения могут быть высказаны без употребления слов «должен», «обязан» и пр. Это будут нормативные суждения, которые возникают на основе теоретического понимания и принадлежат конечной сфере значений» [5. С. 463]. Например, суждение «Хорошее общество – это справедливое общество» является нормативным и может оказаться верным, если существует некая теория справедливости, которая доказала это и таким образом ввела это долженствование.

В-третьих, нормативные суждения долженствования говорят об эмпирическом опыте людей или об их субъективной оценке, то есть о том, что считается ценным. Теоретически обоснованные нормативные суждения утверждают то, что действительно признается ценным.

Следовательно, трудность определения «хорошего общества» и выражения «Общество должно быть хорошим» состоит в том, что «хорошее» выступает как максимальная оценка всех возможных предикатов и поэтому является наиболее многозначной характеристикой долженствования. Оно является, если использовать обозначение Гуссерля, основной нормой. То есть той нормой, избежать суждения которой невозможно: «Нормативное суждение, которое выставляет по отношению к объектам сферы общее требование, чтобы они в возможно большей степени соответствовали конститутивным признакам положительных предикатов ценности, занимает в каждой группе соподлежащих норм особое положение и может быть названо основной нормой. Такую роль играет, например, категорический императив в группе нормативных суждений, составляющих этику Канта; таков же принцип "возможно большего счастья для большего числа людей" в этике утилитаристов» [7].

В нашем случае явно присутствует нормативный элемент, так как слово «хорошее» предполагает знание некой нормы, позволяющей так назвать общество. Но сложность как раз и состоит в том, что «хорошее» является основной нормой.

Так, представление о «хорошем» использует и Гуссерль: типизация «хорошего» и «дурного» охватывает практически все ценности. «Основная норма есть коррелят определения "хорошего" или "лучшего" в соответственном смысле; она указывает, согласно какой основной мере (основной ценности) должно происходить нормирование. Она, таким образом, не представляет в собственном смысле слова нормативного суждения» [7].

Действительно, поскольку «хороший» и «дурной», «плохой» – это те оценки и ценности, через которые мы можем выразить все остальное. Основная норма в большей мере является ценностью, чем нормой, до тех пор, пока ее нормативность не выявлена теоретически.

Ю. Хабермас также показывает, что «моральные предложения и высказывания в том случае, если они могут быть обоснованы, обладают когнитивным содержанием». Вместе с тем «из того обстоятельства, что моральные нормы "имеют значимость" для членов некой общности, еще не следует, ко-

нечно, что они обладают когнитивным содержанием, рассматриваемые сами по себе» [6. С. 109]. Таким образом, и у Хабермаса идет речь о двух вышеописанных типах нормативных суждений.

В концепции хорошего общества действуют оба эти способа образования нормативных суждений. Недовольство существующими теориями и их применением, невозможность достичь теоретически ожидаемых результатов, радикализм в использовании теорий приводят к эмпирической нормативной конструкции. Но, несомненно, термин «хорошее общество» станет ясным тогда, когда он будет теоретически проработан. Вероятно, для этого нужно преодолеть предубеждение в невозможности соединения нормативного и аналитического способов рассмотрения в рамках одной теории и обозначить создание нормативной теории общества, в которой культурно детерминированные, субъективные представления людей о достойной жизни общества будут выявляться с помощью эмпирического анализа и с последующей рефлексией полученных результатов.

Литература

1. Вебер М. «Объективность» социально-научного и социально-политического познания; Смысл свободы от «оценки» в социологической и экономической науке // Избранные произведения: пер. с нем. М.: Прогресс, 1990. С. 345–414.
2. Ролз Дж. Теория справедливости: пер. с англ. / под ред. В.В. Целищева. Новосибирск: Изд-во Новосиб. ун-та, 1995.
3. Walzer M. The Concept of Civil Society // Toward a Global Civil Society. Providence: Berghahn Books, 1995. P. 7–29.
4. Etzioni A. The Good Society // The Journal of Political Philosophy. 1999. Vol. 7, №. 1. P. 88–103.
5. Федотова В.Г. Хорошее общество. М.: Прогресс-традиция, 2005.
6. Хабермас Ю. Вовлечение другого: Очерки политической теории. СПб., 2001.
7. Гуссерль Э. Логические исследования. Картезианские размышления. Кризис европейских наук и трансцендентальная феноменология. Кризис европейского человечества и философии. Философия как строгая наука. Минск; Харвест, М.: АСТ, 2000. 752 с. (Классическая философская мысль). С. 6–288.